Мамбеталиев К.И.

САТИРА ТОКТОГУЛА САТЫЛГАНОВА

K.I. Mambetaliev

SATIRE OF TOKTOGUL SATYLGANOV

УДК: 894.341: 82-7

В статье рассмотрены сатирические песни акына, созданные в досоветский период (до и после ссылки в Сибирь), также дан критический анализ переводам произведений Токтогула на русский язык.

Article is considered the satirical songs of poet which were created in pre-Soviet period (before and after his exile to Siberia); there is as well a critical analysis to the translations of Toktogul's works in Russian.

Советской властью Т.Сатылганов (1864-1933) был признан в качестве образцового представителя национальной акынской поэзии кыргызов. Родился на юге страны. Вырос в бедной семье. Пас овец. Жил в нужде. Лучом света для него стала мать Бурма, от которой он и узнал песни, сказки, легенды своего народа. Грамотой не владел. Наследие его было записано. Свой щедрый природный дар музыканта-комюзи́ста и акына-импровизатора он довел до совершенства и стал знаменит еще в юном возрасте, когда сочинил песню "Алымкан" (имя девушки). Это очень скорбная история любви бедняка, который не может по обычаю заплатить "калым" (выкуп) за невесту, почему ее и выдают за богатого. И тем бедняком был сам автор. Токтогул начал участвовать в айтышах (состязаниях акынов) с 18 лет. Это потом стало главным делом всей его жизни. На эти состязания слушатели стекались со всей округи. Первый свой поединок Токтогул провел с придворным певцом Арзыматом, саркастически высмеяв факт его пресмыкательство перед знатью. Само имя "Арзымат" с тех пор и стало в народе нарицательным. Так называют люди того, кто беспринципно (или принципиально) преклоняется перед действующей властью. Вот что сказал акын Токтогул в том поединке.

"Хвалишься, что у хана
 Стал ты певцом придворным,
 Ты не пропел - прокаркал,
 Ты не акын, а ворон!
 Меня обозвал ты нищим
 С таким, мол, не хочешь знаться,
 Я нищ, но я иноходец,
 Попробуй за мной угнаться!" (1)

Конечно, угнаться не смог, хотя пытался потом взять реванш. Арзымат вошел в историю в ущербном качестве, а Токтогул пошел дальше в противостоянии со знатью, создав песню "Беш каман" ("Пять кабанов"), относительно которой наши историки литературы сказали, что автор, мол, "удачно сравнил манапов с грязными, по представлениям мусульман, животными". (2) Это был курьез, ибо он не выдумывал никаких сравнений, потому что "беш каман" - это родо-племенное название, которое имели пять сыновей Рыскулбека. И кабан здесь не в смысле хряка, а вепря, то есть дикого кабана, что испокон веков водится в животном мире кыргызов, которые всегда охотились и ели их мясо, не считая "грязным". В словаре К.Юдахина сказано, что мясо кабана у кыргызов считалось целебным средством против такой болезни, как оспа. (3)

До Токтогула представители племени "пяти кабанов" не имели той негативной славы, что появилась после его сатиры. Он называет их хищниками, которые довели народ до нищеты. Гнев акына неудержим. Песня эта стала кульминацией его борьбы, он знал, на что шел. И не остановился. Эту программную вещь в его творчестве переводчикам следовало воспроизвести максимально точно, но, когда это перевел поэт Марк Ватагин, то получилась вопиющая отсебятина.

"Если ты, Мырзакан, придешь,
 Чтобы вспомнить былой грабеж,
 Если ты, Керимбай, нагрнешь -
 Приготовим для встречи нож,
 Разговоры будут просты -
 Вспорем жирные животы" (4)

Как видим, акын здесь будто бы зовет народ к "топору", но это искажение оригинала, ибо он не был Степаном Разиным и не размахивал ножом. Да и само слово "нож" он не произнес. Вот что сказано на самом деле в оригинале.

"Керимбай и Мырзакан,
 Животы ведь вспорят вам
 Джигиты семи племен,
 Что имеют тысячи юрт,
 Кровь они вашу прольют,

И уйти в Арым не дадут" (5)

Акын предупреждает, что их ждет расправа от кыргызских племен, которые объединятся и отомстят за злодеяния. Акын (как и положено акыну) держит в руках не нож, а комуз. Именно этим инструментом он и вел войну с правителями. Песню о "кабанах" он исполнил в 1894 году. Через 4 года, в Андижане, вспыхнуло восстание во главе которого стоял Мухаммад-Али (или ишан Мадали). И оно было самым крупным в 19 веке на территории Центральной Азии, как протест против колониальной политики русского царя. Началось восстание в мае 1898 года, а уже в июне Мадали был схвачен и повешен русскими. Та местность, где жил Токтогул, также была втянута в очаг восставших. Предводителя местных кыргызов приговорили к смертной казни, двух его помощников к 20 годам каторги, более полсотни человек были сосланы в Сибирь сроком на 7 лет. Среди них был и Токтогул.

Акын прошел свой тяжкий "конвойный этап" из Намангана в Красноводск, потом были Астрахань, Саратов и Москва, где он провел полгода в пересыльной тюрьме. Далее Тюмень, Тобольск, Омск, Иркутск. Срок свой отбывал в Александровском центральном. Лесоповал, рудники и прииски. В 1904 году указом царя с заключенных сняли кандалы. И он совершает неудачную попытку побега, за что увеличивают срок каторги. Вторая попытка (через четыре года) оказалась успешной. Помогли русские друзья. Путь домой занял больше года. Добрался до родных мест осенью 1910 года. Сын умер, жену выдали за другого, мать ослепла.

В течение трех лет акын скитается по дальним селениям, скрываясь от царских чиновников. В 1913 году опять оказался в той же старой наманганской тюрьме, но на этот раз кыргызы прошениями и деньгами смогли вытащить его из заключения. Ему 49 лет. Он уже создал свой сибирский цикл песен, который исследователи назвали вершиной его творчества, предположив, что без этого (то есть без сибирской каторги) он, оказывается, "в своей патриархальной среде не смог бы подняться до такой высоты социального обличения". (6)

Странно читать такой "вывод". Ведь в качестве "обличителя" он поднялся высоко еще до отправки в Сибирь. По сути именно до-сибирский цикл и является вершиной в его творчестве. В сибирском цикле будут уже иные тональности. Рассмотрим здесь ту его песню, которую он сочинил непосредственно перед самой отправкой на каторгу. Это обращение к тому русскому офицеру, что арестовывал его. В имеющемся русском переводе искажены художественно-содержательные элементы, поэтому приводимые отрывки даны в переводе автора книги.

"Вслушайся и найди
Правду в словах певца,
Если ты справедлив, накажи
Того, кто бьет пастуха,
Не видит он и на малость
В огромном мире радость"
Разве здесь недостаточно "высоты обличения". И вот как звучит концовка этой пред-сибирской песни.
"Просвета нет у людей,
Терпят гнет богачей,
Если ты велик, то верни
То, что бай успел отнять,
Если не можешь, молчи,
Если хочешь его поддержать,
Тогда и ты забирай
То, что можно еще забрать" (7)

Акын не просил пощады, не унижался, а думал о кыргызах и говорил о произволе тех, кто имеет власть над ними. Разве это не высота "социального обличения".

В Сибири он оставался акыном, который отражал реальную жизнь. Не надо искать в "сибирском цикле" небывалую идейную высоту. Зачем сетовать, мол, если бы был грамотным, то возвысился до уровня "просвещения своего века.

В сибирском цикле нет сарказма, там горькая (каторжная) лирика кыргыза, который исповедуется перед своим временем и сохраняет силу духа. Вот эта сила помогла ему одолеть слабость плоти и выжить. Но переводчики и здесь "подверстали" автору к устоявшемуся шаблону стандартной идеологии, иначе какой был резон вкладывать в его уста очевидные штампы. Рассмотрим одну из самых проникновенных песен этого цикла. В оригинале оно названо "Айланган тоонун буркуту" ("Кружащий горный беркут"). Переводчик М.Ватагин назвал это "Я, как беркут, кружил в горах" и перевел так.

"Я, как беркут, кружил в горах,
А теперь, вот, в сети попал.
Руки, что держали комуз,
Царь проклятый цепью сковал.
Должен голову я склонять
Перед тем, кто душою мал" (8)

Как-то сразу режет глаза словосочетание "царь проклятый". Нет в стилистике Токтогула такого оборота. О царе он говорил лишь в двух выражениях - "ак падыша" (белый царь) и "зулум падыша" (жестокий царь), а "проклятого" нет ни в сибирском, ни в других его циклах. У кыргызов такой оборот речи мужчинам не свойственен, так принято выражаться женщинам, когда кого-то они проклинают. У Токтогула само слово "каргыш" (проклятие) звучит только в одном устойчивом словосочетании - это слова "каргыш тийген замана" (в переводе значит "проклятое время", то есть в смысле безысходное). Из-за такого незнания языковых и смысловых нюансов переводчики и попадали в эти сети.

Токтогул за наказание каторгой обвинял не русского царя, а кыргызских манапов. И в своих песнях о каторге показывал не русского царя, а тех надсмотрщиков, которые издевались над каторжниками. Конечно, можно сказать, мол, за всем этим по большому счету стоял царь, поэтому пусть он будет проклят. Да, но не устами Токтогула, и не путем искажения смысла его песен.

Песня и комуз сохранили его в аду каторги. Он вырезал там этот инструмент из сосны и приладил к нему струны от мандолины. Звук был не тот, но исполнитель ведь был от бога, потому и слушали его там с восхищением. Поэтому и разбил надзиратель его комуз вдребезги. Вот как он сказал об этом.

"Он вырвал комуз из рук,
Об камень его разбил,
Под замок меня посадил,
Взбесился с чего-то вдруг.
В памяти я сохранил,
Как мой комуз из сосны
Издal свой последний звук" (9)

Токтогул в Сибири не сломался. Он сохранил свои качества бесстрашного бойца. Тому свидетельствуют те наставления, что он давал после возвращения из каторги. Это уроки рыцаря. Вот эти слова из песни "Жолдош болбо жаттарга" ("Не будь другом чужакам"). На русском звучат здесь впервые.

"Не скажу ему "мой господин",
Даже если клещами сожмут,
Язык мой тверд, не собьется,
Не сверну никуда с пути.
Если встать пред царем доведется,
Не скажу ему "мой дорогой",
Колени свои не согну,
Даже если станут резать
И кровь начнут сосать,
Натура моя такая,
Не стану его восхвалять" (10)

Разве это всего лишь обычные слова кыргызского акына из далекого прошлого. Разве они не актуальны для наших дней. Ведь всегда имеются с огромным избытком охотники (или любители) говорить публично, громко и подобострастно "мой президент", что звучит с таким же пафосом, что и "мой фюрер".

По пути с каторги он находил приют в русских избах, где его лечили и кормили. Судьба хранила его и в казахских степях. В юртах казахов он пел свои песни. Казахская тема занимает особое место в его творчестве. Здесь необходимо точно передать смысл его слов, потому как тема эта по известным историческим причинам весьма щепетильная. Переводческие отсебятины тут чреватые последствиями. Но вот что читаем в русском переводе из "Песни на казахской земле".

"Я спрошу тебя, Сарсенбай:
Кто губил народ испокон?
Не казахский ли хан Аблай,
Не киргизский ли хан Ормон?
Я спрошу тебя, Джакетбай:
Среди трупов справлял пиры
Не разбойник ли Норузбай,
Не убийца ли Кенесары?" (11)

Лихо звучит - "трупы, пир, разбойник, убийца". Кричащие ярлыки. Но историю казахско-кыргызской распри акын отражает иначе. Вот как.

"Слышал я, Сарсенбай,
Как ханы Ормон и Аблай
Невинных людей истребляли.
Слышал и ты, Жакетай,
Как Кенесары и Норузбай
Кровь кыргызов проливали" (12)

Сравнение текстов показывает различие смыслов. Токтогул не был очевидцем той кровавой битвы казахов с кыргызами. Он только слышал об этом. Ему были знакомы и слова Калыгула с Арстанбеком о той истории. При этом он отмечает одинаковую алчность натур как кыргызских (хан Ормон), так и казахских правителей (хан Аблай), что в своих захватнических походах уничтожили массу народа. Он также подчеркивает, что казахи Кенесары и Норузбай пришли с войском на территорию кыргызов и устроили бойню. При этом Токтогул проявляет такт и не говорит, что кыргызы отрубили им головы. Он исполнял эту песню на казахской земле, когда возвращался из Сибири. И его слушателями были казахи. Он не назвал в своей песне Норузбая "разбойником", а Кенесары "убийцей". Он их так никогда не называл, в его творческом наследии просто нет таких слов. Это придумал переводчик, надо полагать, то ли для рифмы, то ли для дополнительного эффекта.

После возвращения из каторги очень важную роль играли его встречи с акынами. Они становились значительными событиями в жизни кыргызов. Это были блистательные поэтические диалоги с искрометным юмором и мощной сатирой. Особое место занимают встречи Токтогула с акыном Эшмамбетом Байсеитовым (1870-1926). Дружба их началась еще в 1887 году, когда к тому времени уже весьма известный Токтогул щедро оценил талант 17-летнего Эшмамбета. Потом они вместе выступали перед публикой, доводя через "айтышы" (словесные поединки) до всех своих слушателей вольнодумные идеи. И это была удобная форма для выражения инакомыслия, для сатирического обнажения пороков времени, для сарказма над знатью.

Токтогул был также близок и с акыном Тоголоком Молдо, хотя состязаний между собой не устраивали. При встречах вели в поэтической форме уважительный диалог. Оба дожили до советской эпохи, оба с восторгом приветствовали власть большевиков-коммунистов, почему и создали свои хвалебные песни о Ленине и Октябрьской революции 1917 года.

Литература:

1. Токтогул. Избранное. Перевод с киргизского. - Фрунзе, 1989, с. 26.
2. История киргизской советской ли-ры. - М.: Наука, 1970, с. 394.
3. Киргизско-русский словарь. Составил К.Юдахин. - М., 1965, с. 335.
4. Токтогул. Избранное. Цитиров. изд., с. 36.
5. Токтогул. Чыгармаларынын эки томдук жыйнагы. 1 том. Ырлар.-Фрунзе: Адабият, 1989, с. 36.
6. Токтогул. Избранное. Цитиров. изд., с. 13.
7. Токтогул. Чыгар. эки томдук жыйн. 1 том. Цитир. изд., с. 66-67.
8. Токтогул. Избранное. Цитиров. изд., с. 63-64.
9. Токтогул. Чыгар. эки томдук жыйн. 1 том. Цитир. Изд., с. 85.
10. Там же, с. 101-102.
11. Токтогул. Избранное. Цитир. изд., с. 104.
12. Токтогул. Чыгар. эки томдук жыйн. 1 том. Цитир. изд., с. 129.

Рецензент: д.филол.н., академик Акматалиев А.А.